Опыт анализа нарратива в исследовании идентичности феминистки

Л. В. Хорунжая

© 2019

Независимая феминистская исследовательница

e-mail: lkhorunzhaya@gmail.com

В статье приведена и проиллюстрирована схема анализа нарративного интервью NOI (Narrative oriented inquiry) Д. Хайлса и И. Чермака (D. Hiles и I. Čermác). Показаны возможности схемы NOI на примере исследования идентичности феминистки.

Ключевые слова: нарративный анализ, схема NOI, идентичность, феминистская идентичность

Введение

В современных исследованиях все чаще используется качественная методология (Улановский, 2009; Хорошилов, 2012), все больше внимание исследователей привлекает проблемы групповой, этнической (Стефаненко, 2002; Стефаненко, 2009), семейной (Лукьянченко, 2018), гендерной (Чебакова, Ю. В.; Чусов, А. В.; Дунаева, К. А., 2012), сексуальной идентичности (Здравомыслова, Е.; Темкина, А., 2007) и субъектности (Хисамбеев, 2015; Леонтьев, 2010). Использование качественной методологии в исследованиях идентичности обусловлено социально-конструкционистским пониманием идентичности как конструируемой в процессе взаимодействия с помощью языковых средств (Gergen, 2005). Среди вариантов качественной методологии почетное место занимает методология нарративного исследования (Преображенская, 2006; Бусыгина, 2015; Марцинковская, Т. Д.; Турушева, Ю. Б., 2017; Зайцева, 2017).

Цель статьи – описать и проиллюстрировать метод анализа нарративного интервью NOI (Narrative oriented inquiry) Д. Хайлса и И. Чермака (Hiles, D.; Čermác, I.;, 2008) в исследованиях идентичности. Материал для иллюстрации взят из исследования «Особенности идентичности женщин с феминистскими взглядами» (Хорунжая, 2016), в котором мы опирались на концепцию нарративной идентичности К. Гергена. Согласно К. Гергену, идентичность представляется как осуществляемая в процессе речевого взаимодействия, флуктуирующая, конструируемая различным образом в зависимости от контекста. Изучение идентичности целесообразно проводить на

основе самоописаний респондентов, рассматривая в качестве данных их Я-нарративы. Особенностью нарративной идентичности является ее соотнесенность не только с контекстом интеракции, в которой она производится, но и с более общим культурным и социальным контекстом. Я-нарратив создается с учетом «присущих определенной культуре ожиданий типичных сюжетов, мотивов, причин и следствий» (Турушева, 2014), его функцией является представление себя, с одной стороны, как типичного, достойного члена общества, с другой стороны, демонстрация своей исключительности, неканоничности для данного общества. Метод получения Я-нарративов – нарративное интервью: процесс взаимодействия исследователя и респондента, в котором происходит конструирование идентичности респондента в ответ на вопрос исследователя. Концепция нарративного интервью предложена немецким социологом Ф. Шютце, который рассматривает рассказы о себе (истории) как базовую форму повседневной коммуникации. Методологические основания концепции нарративного интервью сформировались под влиянием идей символического интеракционизма, феноменологической социологии А. Шюца и этнометодологии. Теоретическими предпосылками нарративного интервью являются представления:

- об интуитивной компетентности каждого человека в отношении правил построения рассказа, принятых в данной культуре;
- «о гомологии формы рассказа структуре жизненного опыта» (Журавлев, 1993 стр. 36), означающей репрезентацию рассказчиком своего жизненного опыта так, как он был им пережит.

Успех нарративного интервью возможен при соблюдении двух условий (Журавлев, 1993): 1) Рассказчик повествует о событиях своей жизни; 2) Рассказ представляет собой экспромт, то есть не является подготовленным заранее.

Респонденткам исследования «Особенности идентичности женщин с феминистскими взглядами» было предложено рассказать о своем опыте становления феминисткой в свободной форме. Формулировка исследовательского вопроса была выбрана так, чтобы вопрос побуждал респондентку рассказать историю и в то же время оставался достаточно широким. Далее интервью были дословно транскрибированы с обеспечением сохранения анонимности участниц, в тексте была выделена нарративная часть, которая подверглась анализу.

Далее описана схема анализа нарратива NOI. Каждый пункт этой схемы проиллюстрирован на примере анализа интервью респондентки С.

Схема анализа нарративного интервью NOI (Narrative oriented inquiry)

Модель NOI опирается на представление о социально-конструкционистской и феноменологической природе повествовательных данных, сочетая в себе в связи с этим взгляд на человека как активного субъекта вместе с ситуационной перспективой. Анализ нарратива по схеме NOI учитывает и формальные, и содержательные аспекты, сочетает категориальный и холистический подходы. Важной особенностью NOI выступает акцент на прозрачности процесса анализа для рефлексивного и критического осмысления, учитывающего роль самого исследователя в ситуации интервью. Ключевой же особенностью модели, по мнению ее авторов, является несколько отстраненное рассмотрение нарратива, анализ его с широкой точки зрения. Д. Хайлс и И. Чермак предлагают использовать для анализа нарративного интервью 6 измерений.

1. Сюжет – фабула

Фабула – это содержание истории, последовательность событий, в которой они произошли в жизни. Представляет собой простой связный рассказ, выделенный из повествования. Сюжет есть «форма» повествования, история, предлагаемая в пересказе, содержит элементы, не являющиеся необходимыми для истории. Если фабула – это жесткая событийная схема истории, то сюжет – это способ, которым история рассказана. Так, на основе одной и той же фабулы могут быть построены разные сюжеты.

Выявление сюжета происходит путем вычленения отдельных слов, фраз, сегментов текста, которые связаны с акцентированием, отступлениями, перебоями, рефлексией, замечаниями и выражениями, указывающими на причинность и смысл событий, их значение для рассказчика. Рассказчик позиционирует себя по отношению к событиям, и эта позиция проявляется не только в том, что рассказано, но и в том, как рассказано. Понимание идентичности нарратора происходит и из понимания роли рассказчика в излагаемой истории, репрезентации им себя в нарративе (Hiles, 2007). В этом измерении ключевым является анализ соотношения между сюжетом и фабулой.

Для выделения фабулы истории полезно читать несколько раз текст интервью, отбрасывая второстепенные элементы (без которых история не теряет смысл) до тех пор, пока не получится простая связная (но плоская и скучная) история (Hiles, David; Cermák, Ivo; Chrz, Vladimir, 2009).

В литературоведении вслед за Аристотелем различают концентрические сюжеты (события имеют причинно-следственную связь – один эпизод вследствие другого) и хроникальные сюжеты (события соотносятся лишь во времени – эпизоды следуют один после другого) (Чернец,

Л. В.; Хализев, В. Е.; Бройтман, С. Н.;, 1999; Тюпа, 2002). Отнесение сюжета к определенному типу при анализе позволяет выдвинуть первичное предположение о субъектности респондентки. Д. Хайлс и И. Чермак (D. Hiles и I. Čermác) считают, что анализ по измерению «сюжет-фабула» и выявление напряженности между фабулой и сюжетом имеют решающее значение для всей схемы NOI (Hiles, David; Cermák, Ivo; Chrz, Vladimir, 2009).

Пример

Сначала производится дословное транскрибирование аудиозаписей интервью, учитывающее все паузы, вздохи, смех, восклицания, изменения темпа и громкости речи. Анализ полученных транскриптов производится сначала путем последовательных итераций прочтения интервью, в ходе которых исследователь составляет целостное впечатление о тексте. Затем выделяется собственно нарративная часть интервью, маркером окончания которой служит прямое высказывание респондента («Вот, собственно, и все», «Такова моя история»), либо же логическая завершенность повествования с точки зрения рассказчика (например, респондент останавливает рассказ, обращается за помощью в продолжении к интервьюеру). Следующим этапом является деление текста на секвенции (фрагмент текста, выделенный по тематическому критерию и представляющий собой смысловое целое (Здравомыслова, Е.; Темкина, А., 2007)), завершением каждой секвенции является кода, содержащая смысловое резюме.

Подчеркиванием мы выделяем фрагменты текста, содержащие указание на сюжет. Выделение цветом отмечает фрагменты текста, относящиеся как к сюжету, так и к фабуле (Hiles, David; Cermák, Ivo; Chrz, Vladimir, 2009).

Нарративная часть интервью

С. – женщина 30 лет, имеет высшее образование по специальности «Прикладная математика», профессионально занимается журналистикой, замужем, детей нет. Считает себя феминисткой 8 лет, активная участница феминистского интернет-сообщества.

Интервью состоялось 22.11.2015 г., продолжительность интервью 87:44, продолжительность нарративной части интервью 3:58. Встреча происходила дома у С., респондентка встретила исследовательницу у метро. Первое впечатление – спокойная, немного болезненная, голос тихий. Говорит не спеша, открыто отвечает на вопросы, иногда делает долгие паузы, во время которых неясно, обдумывает ли она продолжение высказывания или закончила высказывание и ждет вопроса. Участие в исследовании вызвано интересом к теме работы *(«классная тема»*[1]*)* и возможностью побыть в роли интервьюируемой, так как обычно интервью берет она.

[1] Курсивом в кавычках отмечены цитаты респондентки С.

С.: А...я приехала в Россию в 2007 году к бойфренду, с которым познакомилась в инете, в общем, там своя длинная история была, но переехала к нему и попала, точнее, не попала в статистику избиваемых жен, ну, точнее, подруг. Не сразу, понятное дело, какое-то время меня загоняли под коврик довольно успешно и в топе наткнулась, в топе жж или где-то там наткнулась на ссылку сообщества feministki, пошла читать. Читала, в общем-то, нашла, вот, целый пласт материалов по домашнему насилию расчухалась, вышла из этих отношений, выехала, сбежала [смеется], – и да, с тех пор я называю себя феминисткой.

А в 4 года мне просто... меня в садик отдали поздно: я пришла туда – там уже как-то коллектив, мне 4 года, вот я пришла такая, и… мальчики не общаются с девочками и вообще издеваются, а у них веселые игры. У меня до этого вся жизнь по больницам – как-то не очень весело, но хочется бегать, пока есть возможность, и… я пришла к папе и говорю: «Папа, мальчики меня бьют и не дают с ними играть». Папа показал мне, как бить с правой. В общем-то, больше он мне ничего не сделал, вот, ну как бы... и я пошла в садик, подралась с одним мальчиком, выбила зубы, благо молочные, другому мальчику, сломала руку третьему – и меня приняли в компанию. Ну и как-то вот так. И потом, вот, все время, то есть, в садике, в школе, в университете, меня очень сильно задевало отношение к женщинам, ну, к девочкам, к девушкам, к женщинам, то есть, вот, ну, я это прямо проецировала на себя, у меня не было, что, вот, они такие дуры, а со мной раз общаются, то я хорошая, а вот они такие дуры. Нет – вот, ты оскорбляешь их – ты оскорбляешь меня. Вот эта связь, она почему-то, вот, сколько я себя помню, она есть. Соответственно, дралась я, вот, до подросткового возраста, лет до 15 просто практически еженедельно [смеется]. А потом, ну, дралась меньше, в основном, по необходимости. А так... вот это неприятие осталось такого тезиса. В общем, не сказать, что у меня было много подруг среди девочек, вот, в детстве... у меня вообще, с какого-то момента, вот лет с 8, наверное... нет, не с 8, с 10, когда я перешла, вот, меня мама перевела в другую школу, у меня вообще не было до, там, 13-12-13 лет вообще никаких друзей в классе мне объявили бойкот. Ну, девочки – тихий, потому что... потому что вроде бы как за них, а с мальчиками я просто дралась и у нас было согла... такой нейтралитет относительный, потому что у меня все списывали. Очень удобно. Говорить при мне нельзя, вот, каких-то гадостей и трогать меня первым тоже плохо, потому что можно пострадать как физически, так

и... потом не списать просто. Ну, так. А феминисткой – да, после чтения сообществ. Я слово это услышала уже где-то поздно, в университете. То есть, вообще никакого пространства не было. Я из А., и у нас там не было Арбатовой.

Таблица – Секвенциональный анализ интервью респондентки С.

Секвенция	Содержание	Тема	Кода
1.	А...я приехала в Россию в 2007 году к бойфренду, с которым познакомилась в инете, в общем, там своя длинная история была, но переехала к нему и попала, точнее, не попала в статистику избиваемых жен, ну, точнее, подруг.	Задание точки отсчета: переезд в Россию к бойфренду.	«и попала, точнее, не попала в статистику избиваемых жен».
2.	Не сразу, понятное дело, какое-то время меня загоняли под коврик довольно успешно	Динамика насилия в отношениях.	«меня загоняли под коврик довольно успешно».
3.	и в топе наткнулась, в топе жж или где-то там наткнулась на ссылку сообщества feministki, пошла читать.	Обозначение точки входа в феминизм.	«наткнулась на ссылку сообщества feministki, пошла читать».
4.	Читала, в общем-то, нашла, вот, целый пласт материалов по домашнему насилию	Чтение материалов феминистского сообщества.	«нашла, вот».
5.	расчухалась[2],	Осознание, что находится с ситуации домашнего насилия.	«расчухалась».
6.	вышла из этих отношений, выехала, сбежала [смеется],	Разрыв отношений и физическое дистанцирование.	«сбежала».

[2] Расчухаться - поняв, разобраться в чем-нибудь.

7.	– и да, с тех пор я называю себя феминисткой.	Начало идентификации себя как феминистки.	«называю себя феминисткой».
8.	А в 4 года мне просто... меня в садик отдали поздно: я пришла туда – там уже как-то коллектив,	Возвращение к событиям детства (как продолжение нарратива и ответ на вопрос нарративного импульса).	«я пришла туда – там уже как-то коллектив».
9.	мне 4 года, вот я пришла такая, и… мальчики не общаются с девочками и вообще издеваются, а у них веселые игры.	Детский опыт попадания в сложившуюся систему гендерной сегрегации.	«пришла такая».
10.	У меня до этого вся жизнь по больницам – как-то не очень весело,	Более ранний опыт ограничений активности.	«как-то не очень весело».
11.	но хочется бегать, пока есть возможность,	Жажда жизни.	«пока есть возможность».
12.	и… я пришла к папе и говорю:	Обращение за помощью.	«я пришла к папе».
13.	«Папа, мальчики меня бьют и не дают с ними играть».	Сообщение о факте дискриминации, требующее вмешательства.	«меня бьют и не дают с ними играть».
14.	Папа показал мне, как бить с правой.	Отец показал силовое решение.	«как бить с правой».
15.	В общем-то, больше он мне ничего не сделал, вот, ну как бы...	Единственное решение.	«больше он мне ничего не сделал».
16.	и я пошла в садик, подралась с одним мальчиком, выбила зубы, благо молочные, другому мальчику, сломала руку третьему – и меня приняли в компанию. Ну и как-то вот так.	Применила силу и была принята в компании.	«Ну и как-то вот так».

17.	И потом, вот, все время, то есть, в садике, в школе, в университете, меня очень сильно задевало отношение к женщинам, ну, к девочкам, к девушкам, к женщинам,	Оскорбительное отношение к женщинам задевало всегда.	«очень сильно задевало».
18.	то есть, вот, ну, я это прямо проецировала на себя, у меня не было, что, вот, они такие дуры, а со мной раз общаются, то я хорошая, а вот они такие дуры.	Отстройка от идеи, что к «хорошим» особое отношение.	«прямо проецировала на себя».
19.	Нет – вот, ты оскорбляешь их – ты оскорбляешь меня.	Идентификация с женщинами.	«ты оскорбляешь их – ты оскорбляешь меня».
20.	Вот эта связь, она почему-то, вот, сколько я себя помню, она есть.	Ощущение связи с женщинами.	«сколько я себя помню, она есть».
21.	Соответственно, дралась я, вот, до подросткового возраста, лет до 15 просто практически еженедельно [смеется].	Длительное применение силового способа борьбы.	«дралась».
22.	А потом, ну, дралась меньше, в основном, по необходимости.	Уменьшения количества случаев применения силовых методов. Необходимость остается.	«по необходимости».
23.	А так... вот это неприятие осталось такого тезиса.	Неприятие оснований дискриминации.	«осталось».
24.	В общем, не сказать, что у меня было много подруг среди девочек, вот, в детстве...	Ощущение отделенности от женщин – мало подруг.	«вот, в детстве...».
25.	у меня вообще, с какого-то момента, вот лет с 8, наверное... нет, не с 8, с 10, когда я перешла, вот, меня мама перевела в другую школу, у меня вообще	Период 8-13 лет. Перевод в другую школу.	«вообще никаких друзей».

	не было до, там, 13-12-13 лет вообще никаких друзей		
26.	в классе мне объявили бойкот.	Опыт остракизма.	«Бойкот».
27.	Ну, девочки – тихий, потому что... потому что вроде бы как за них, а с мальчиками я просто дралась	Период бойкота.	За девочек, но не с ними. Против мальчиков.
28.	и у нас было согла... такой нейтралитет относительный, потому что у меня все списывали.	Нейтралитет в отношениях.	Социальная лояльность.
29.	Очень удобно. Говорить при мне нельзя, вот, каких-то гадостей и трогать меня первым тоже плохо, потому что можно пострадать как физически, так и... потом не списать просто. Ну, так.	Позволять списывать как инструмент воздействия.	Новый способ защиты.
30.	А феминисткой – да, после чтения сообществ.	Возвращение в период знакомства с феминизмом.	Точка входа в феминизм.
31.	Я слово это услышала уже где-то поздно, в университете. То есть, вообще никакого пространства не было. Я из А., и у нас там не было Арбатовой.	Отсутствие феминистского пространства до переезда.	«Я слово это услышала уже где-то поздно, в университете».

Фабула: С. впервые сталкивается с гендерным насилием в детском саду и обращается к отцу за разъяснениями. Отец показывает силовой способ отстаивания своих интересов, которым С. успешно пользуется. С. ощущает родство со всеми женщинами, не считает себя лучше, стремится защищать их. Однако в школе оказывается в отношениях противостояния с мальчиками и дистанцированности от девочек, которые ее игнорируют. Находит новый способ социального влияния, позволяя списывать в школе. Во взрослом возрасте повторяется сходная ситуация. В 2007 г. С. переехала из А. в Россию к бойфренду и оказалась в отношениях с применением насилия. Случайно наткнулась в Интернет на феминистское сообщество, заинтересовалась темой домашнего насилия. Осознала, что находится в ситуации домашнего насилия. После этого вышла из отношений, уехала из города, где жил бойфренд, с тех пор называет себя феминисткой.

Сюжет: Героиня попадает в незнакомый мир, который оказывается миром насилия, пытается существовать по его правилам. Освобождение героини из отношений эмоционального, физического и репродуктивного насилия при помощи женского сообщества.

Сюжет нарратива С. – освобождение, близок к сюжету сказки «Синяя борода», отличие в субъектной позиции героини и женской помощи. Неявно присутствуют и сюжеты осознания и феминистской инициации. Фабула и сюжет в начале нарратива хроникальные, по ходу повествования изменяются на концентрический тип.

Какое заключение об идентичности С. следует из анализа по измерению «сюжет-фабула» приведенного выше отрывка нарратива?

Респондентка С. позиционирует себя как обладающую высокой субъектностью *(«я приехала в Россию в 2007 году к бойфренду, с которым познакомилась в инете»*), которая становится нестабильной в отношениях с бойфрендом (*«попала, точнее, не попала… жен, ну, точнее, подруг»*). Точку опоры С. находит в текстах феминистского сообщества (*«Читала, в общем-то, нашла»*), осознает свое положение исходя из феминистской перспективы (*«расчухалась»*), освобождается из насильственных отношений (*«вышла из этих отношений, выехала, сбежала [смеется]»*). Амплификация субъектности выражается в самоидентификации себя как феминистки («я называю себя феминисткой») – обладающей высокой субъектностью, осознавшей, преодолевшей, освободившейся, принадлежащей к феминистскому сообществу, утверждающей феминистские взгляды.

2. Целостность – содержание

Измерение «Целостность-содержание» предполагает изучение и установление связей и ассоциаций в пределах всей истории с акцентом на фабуле, но не в ущерб сюжету. Такое изучение заключается в выявлении широкой перспективы общей темы и обнаружении точек поворота в истории – сегментов текста, проливающих свет на всю историю в целом.

Процедура целостного прочтения текста состоит из следующих шагов (Lieblich, Amia; Tuval-Mashiach, Rivka; Zilber, Tamar, 1998; Hiles, D.; Čermác, I.;, 2008):

1. Перечитывать текст без особого внимания снова и снова, пока не станет вырисовываться картина;
2. Записать первое впечатление от такого прочтения, обращая при этом внимание на противоречивые эпизоды, необычные части сюжета, или любые объекты, дисгармонирующие со связной историей;
3. Выделить значимые для истории или повторяющиеся темы;
4. Отметить различающиеся темы, неоднократно перечитать их по отдельности;
5. Отслеживать

- темы, появляющиеся впервые,
- пересечения между темами,
- контекст каждой темы,
- главную тему,
- маргинальные темы,
- темы, противоречащие содержанию.

Результат анализа нарратива в измерении «Целостность-содержание» представляет собой выделенные тематические линии (Темы), для каждой из которых описана роль в нарративе.

Пример

Нарратив С. не целостен, представляется как ненасыщенная история, состоящая из двух фрагментов, повествующих о содержательно схожих ситуациях: героиня попадает в новый для нее мир с незнакомыми правилами. При этом если история детства – это история о принятии правил нового мира и адаптации в нем, то история переезда к бойфренду – история отвержения этих правил, поиск нового видения ситуации и выход из нее. В нарративе можно выделить темы попадания в незнакомый мир, тему насилия, тему обращения за помощью, тему родства с женщинами. Ядром нарратива выступает тема насилия и идентификации с женщинами на основе общности применяемого к женщинам насилия.

Тема: «Попадание в незнакомый мир». В рассказе С. трижды описываются ситуации, когда она оказывается в новых, непривычных для себя условиях (поступление в детский сад, перевод в новую школу, переезд к бойфренду в другую страну) и вынуждена искать способы поведения в них. При этом в первых двух случаях помещение в новый мир происходило независимо от нее с принятием ситуации *(«меня в садик отдали поздно: я пришла туда», «когда я перешла, вот, меня мама перевела в другую школу»)*, в третьем же случае акцент смещается: инициатором действия выступает сама С., сама же в итоге решающая не оставаться в ситуации, в которой оказалась: *«я приехала… к бойфренду, с которым познакомилась в инете, в общем, там своя длинная история была, но переехала к нему и попала, точнее, не попала в статистику избиваемых жен».* Примечательно, что во всех случаях С. не упоминает о том, как протекала ее жизнь до этих ситуаций, из-за чего об описываемых событиях складывается впечатление как об отдельных страницах жизни.

Тема: «Насилие». Впервые тема насилия звучит в детстве С., когда отец научил ее силовому способу существования в мире детского сада *(«… мальчики не общаются с девочками и вообще издеваются»*, *«Папа показал мне, как бить с правой»)*. С. успешно пользуется этим способом для завоевания права играть в веселые игры с мальчиками, для защиты и утверждения своих правил

во время учебы в школе, впоследствии находя еще один способ влияния – предоставление возможности списывать *(«Говорить при мне нельзя, вот, каких-то гадостей и трогать меня первым тоже плохо, потому что можно пострадать как физически, так и... потом не списать просто»)*. Второй раз тема насилия громко звучит в период жизни с бойфрендом, с рассказа о котором С. начинает повествование. Здесь насилие к С. применяется сначала в форме психологического («*загоняли под коврик довольно успешно»),* затем в форме непосредственного физического насилия.

Тема: «Обращение за помощью». Оказываясь в сложных для себя ситуациях, С. обращается за помощью. В детстве С. приходит к отцу, сообщая ему о ситуации насилия и дискриминации в детском саду *(«Папа, мальчики меня бьют и не дают с ними играть»)*, и узнает от него силовой способ защиты и достижения своих целей. С. отмечает, что это была единственная помощь отца в данной ситуации *(«В общем-то, больше он мне ничего не сделал»)*. Во взрослом возрасте, оказавшись в ситуации домашнего насилия, С. сначала также использует этот способ[3], но затем отказывается от него как неэффективного, пытается разобраться в происходящем. Для этого она обращается к феминистским текстам, в которых находит определение ситуации *(«нашла вот целый пласт материалов по домашнему насилию»)* и использует рекомендуемый феминистками способ разрешения – выход из ситуации.

Тема: «Родство с женщинами». С. говорит о том, что ее всегда *«очень сильно задевало отношение к женщинам, ну, к девочкам, к девушкам, к женщинам»,* отмечает связь с женщинами на глубоком уровне *(«ты оскорбляешь их – ты оскорбляешь меня»)*, сопричастность женщинам, отсутствие отделения себя от них, несмотря на то, что была принята в компании мальчиков. В школьном возрасте у С. было немного подруг и в целом отношения с девочками в классе скорее отсутствовали: *«…в классе мне объявили бойкот. Ну, девочки – тихий, потому что... потому что вроде бы как за них…»*. Тема выступает как противоречивая: несмотря на глубокую идентификацию С. с женщинами, она не принята в женской компании в классе.

---

[3] С. отвечает на дополнительный вопрос о самозащите во взаимоотношениях с бойфрендом:

«**И.:** А вот в этих конфликтах ты как-то защищалась?

С.: Да. Ну, во-первых, молчать я не могла, поэтому на «шлюху» следовал вообще совершенно закономерный ответ: «на себя посмотри, уебище», в среднем. Аа… защищаться в драке… у меня сейчас вес где-то, там, 45 кг. Тогда был чуть меньше. А у него вес был под сотню, с прошлым, качалкой, там, боевым искусством. Поэтому насчет защищаться – ну да, я пыталась скрывать самые уязвимые части тела, по возможности. Лучше бы я тогда умела рот закрывать. Хотя, это все равно не помогло бы, но, по крайней мере... да ничего по крайней мере не помогло бы. Ничего бы не помогло».

3. Целостность – форма

В центре внимания находится форма рассказа, акцент смещен на фабулу, внимание уделяется описательной типологии, развитию истории, плотности[4] повествования. Классическая типология повествований включает в себя роман, комедию, трагедию, сатиру.

При анализе в этом измерении нужно сосредоточиться на том, как создается смысл истории. Немецкий социолог Фриц Шютце[5] выделил на основе анализа нарративных интервью четыре типа автобиографических нарративов (Здравомыслова, Е.; Темкина, А., 2007):

1) Биография как траектория.

   В рассказе жизнь человека предстает как заданная внешними обстоятельствами, присутствует поворотный момент, после которого жизнь протекает по пути, который невозможно изменить. Примером может служить жизнеописание тяжело больного человека.

2) Биография как стратегия.

   Жизнь человека представлена как заранее спланированная, в которой рассказчик последовательно достигает поставленных целей. В рассказе присутствуют «помощники» и «злодеи», способствующие и препятствующие достижению цели. Рассказчик предстает как человек, сделавший себя сам.

3) Биография как институциональная карьера.

   Жизнь человека представлена как последовательность исполняемых социальных ролей. Описание сводится к перечислению событий. Рассказчик предстает как человек, не проявляющий индивидуальности, активности.

4) Биография как превращение.

   Жизнь, ее смысл, представления человека о себе репрезентированы как изменяющиеся после ключевых событий, приведших к перерождению человека. Рассказчик предстает как значительно изменившийся в результате конкретного, эмоционально переживаемого жизненного опыта.

Существуют и другие классификации жизненных историй. Так, К. Герген, рассматривая изменение оценки происходящего в ходе истории, различает нарративы стабильности (когда оценка не изменяется), нарративы прогресса (оценка происходящего улучшается) и нарративы

[4] Плотность истории означает простроенность сюжета с точки зрения последовательности, согласованности, универсальности.

[5] Schütze, Fritz. Prozeßstrukturen des Lebensablaufs. In: Joachim Matthes, Arno Pfeifenberger, Manfred Stoßberg (Hg.) Biographie in handlungswissenschaftlicher Perspektive. Kolloquium am Sozialwissenschaftlichen Forschungszentrum ErlangenNürnberg, Nürnberg: Verlag der Nürnberger Forschungsvereinigung e.V., S.67-157. 1981.

регресса (оценка происходящего ухудшается) (Gergen, 2005; Вайнгартен, 2009). Российский филолог В.И. Тюпа выделяет на основе анализа креативной («форма авторства»), рецептивной («установка адресованности, соотносительная с «формой авторства»») и референтной (предметно-тематической) компетенций жанра следующие четыре первофеномена[6] нарративных жанров (Тюпа, 2002):

1. Сказание.

   Моделирует ролевую картину мира, герой реализует предназначение. Рассказчик занимает позицию передающего некое достоверное знание. Риторика носит характер ролевого, обезличенного, словарного слова. Адресат постулирован воспринимающим передаваемое знание как достоверное и наделен репродуктивной компетентностью (передеча знания аналогичному адресату).

2. Притча.

   Моделирует императивную картину мира, предполагающую свободный выбор занимающего определенную жизненную позицию героя. Рассказчик занимает позицию передающего свое убеждение, то есть поучающего. Риторика носит характер монологизированного, императивного слова, ментальная и речевая деятельность персонажа присутствует лишь в речевых стилях косвенной речи. Адресат постулирован занимающим позицию активного приятия, заключающуюся в истолковании и извлечении урока из сообщения.

3. Анекдот.

   Моделирует случайностную (окказициональную), релятивистскую картину мира, персонаж повествования обнаруживает свой характер в инициативно-авантюрном поведении. Рассказчик занимает позицию сообщающего мнение. Риторика носит характер ситуативного, диалогизированного слова прямой речи. Адресат постулирован занимающим позицию сотворчества, обладающим рекреативной компетентностью (выражающейся, в частности, в чувстве юмора).

4. Жизнеописание.

   Моделирует вероятностную, полифоническую картину мира, герой выступает субъектом самоопределения. Рассказчик занимает позицию излагающего собственное понимание истории. Риторика носит характер диалогизированного слова по отношению к самому персо-

[6] Термин принадлежит М.М. Бахтину, который различал «жанр, как композиционно определенное (в сущности – застывшее) целое, и жанровые зародыши (тематические и языковые) с еще не развившимся твердым композиционным костяком, так сказать, «первофеномены» жанров» (Бахтин, 1986 стр. 513).

нажу, основу которой составляет несобственно-прямая речь. Адресат постулирован занимающим ценностно близкую рассказчику позицию, обладающим «проективной компетентностью отстраненного узнавания: себя – в другом и другого – в себе» (Тюпа, 2002 стр. 18). Отметим, что классификация В.И. Тюпа позволяет также установить субъектную позицию нарратора.

Пример

Нарратив С. представляет собой историю освобождения, жанровая принадлежность по Ф. Шютце близка к биографии как траектории, в типологии В.И. Тюпа нарративный жанр близок к притче, урок которой состоит в выходе из ситуации насилия и отказе от насильственных методов. Отметим, что в нарративе С. воспроизводит те практики, которые она реализует как феминистка в жизни: артикулирует тему насилия, указывает источники информационной помощи в ситуации насилия, представляет выход из отношений как предпочтительное поведение в случае домашнего насилия, говорит о солидарности с женщинами.

4. Категории-содержание

В этом измерении выделяем относительно автономные по содержанию сегменты, отвечающие исследовательскому вопросу, и проводим их тематический анализ. Анализ нарратива в измерении «Категории-Содержание» состоит из следующих этапов:

1. формулировка исследовательского вопроса, который определяет выбор подлежащих анализу сегментов текста;
2. определение подкатегорий/тем, содержащихся в тексте. Они могут быть выбраны из самого текста или исходя из теоретических предпосылок;
3. соотнесение с выбранными подкатегориями высказываний, фраз, эпизодов;
4. формулировка выводов на основе результатов анализа.

Поскольку исследовательский вопрос работы обращен к идентичности, наше внимание будет сосредоточено на особенностях описания себя, основных ролях, предикатах, которыми С. себя определяет.

Пример

Анализ нарратива позволил выделить две категории, в которых респондентка говорит о себе: «Я в ситуации насилия», «Я – феминистка».

«Я в ситуации насилия». Бóльшая часть нарратива содержит описания себя респонденткой как находящейся в ситуации насилия. В детстве С. адаптируется к этой ситуации, овладевая способами физически защищать себя и отстаивать свои интересы, защищать других женщин *(«И потом, вот, все время, то есть, в садике, в школе, в университете, – меня очень сильно задевало отношение к женщинам, ну, к девочкам, к девушкам, к женщинам, то есть, вот, ну, я это прямо проецировала на себя, у меня не было, что, вот, они такие дуры, а со мной раз общаются, то я хорошая, а вот они такие дуры. Нет – вот, ты оскорбляешь их – ты оскорбляешь меня. Вот эта связь, она почему-то, вот, сколько я себя помню, она есть. Соответственно, дралась я, вот, до подросткового возраста, лет до 15 просто практически еженедельно [смеется]… Говорить при мне нельзя, вот, каких-то гадостей и трогать меня первым тоже плохо, потому что можно пострадать как физически, так и... потом не списать просто»),* что репрезентирует ее как сильную, умеющую постоять за себя, стремящуюся защищать других женщин, независимую от общества и устанавливающую правила в обращении с собой.

«Я – феминистка». Категория ненасыщена в нарративе, С. раскрывает ее во второй части интервью. Говоря о себе как о феминистке, С. использует выражения *«расчухалась, вышла из этих отношений, выехала, сбежала»*. Исследовательница задала дополнительный вопрос о значении глагола «расчухаться» для респондентки[7], ответ на который мы интерпретируем как появление нового взгляда на ситуацию, своего рода прозрение и осознание ситуации как ненормальной, принятие решения о выходе из ситуации как спасении. Отсюда насыщение категории «Я – феминистка» представляется возможным посредством описания С. понявшей, осознавшей, готовой нести различные потери ради полной жизни: *«Да, последний раз он меня душить стал. Это было как-то менее страшно, потому что душить – одно, а не мочь ходить – совсем другое [смеется]*.

[7] «**И.:** Вот Вы когда употребили слово расчухалась – а если раскрыть его?

С.: Ну, относительно того, что я поняла, что это не пройдет?

И.: Ну, что это вообще значит – расчухалась?

С.: Это значит, что, вот, ситуация, да? как бы сначала тебе рассказывают, что ты шлюха, страшная, в общем, – ну, как бы, вот, такой набор, причем это перемежается, вот, ну, как бы периодами радости, да? там, какого-то хорошего отношения, а потом, вот, такой обрыв, потом тебя бьют, сначала легонько, то есть, там, толкают куда-нибудь, а потом вот это все хуже, и хуже, и хуже становится, в том плане, что удары становятся больнее, артикуляция вербального насилия, она усиливается, становится доминирующей, становится неотъемлемой частью быта, а потом... И кажется, что это нормально. Вот в этом... это самое чудовищное, что я считаю, что домашнее насилие – это нормально. То есть, ну, если бы я переехала и сразу получила вот, как я получила после того, как ушла, ну, там, это последний раз когда было, после чего я подготовилась, собрала вещи и уехала просто. В никуда. Причем даже не домой, потому что домой было стыдно. А... он казался нормальным. И когда, вот, тебе пишут, что это не нормально: раз пишут, два пишут, три пишут...».

Там ты просто умрешь, а тут – ты будешь как бы жить, но не сможешь никуда двинуться»[8]. Именно нежелание *«как бы жить»*, *«не мочь никуда сдвинуться»*, желание полноты жизни и возможностей репрезентирует С. как феминистку. Схожее стремление мы обнаруживаем в детстве С.: *«У меня до этого вся жизнь по больницам – как-то не очень весело, но хочется бегать, пока есть возможность»*. После дополнительного вопроса[9] С. подчеркивает, что определяющим для нее как феминистки стала также артикуляция темы домашнего насилия: *«И этот момент, когда я не хочу молчать, ну, мало того, что я не хочу умереть, так еще я не хочу молчать – он стал определяющим для вопроса идентификации «феминистка»»*.

5. Категории – форма.

В этом измерении фокус анализа находится на сюжете и форме повествования, которая определяется лингвистическими, пара- и экстралинвистическими средствами.

Процедура анализа состоит в выборе категории или подтекста для анализа и тщательном исследовании языковых особенностей, которые определяют акцент и стиль истории. Анализ затрагивает способы конструирования нарратива, лингвистические средства (метафоры, сравнения, гиперболы), особенности используемых лексем, паралингвистические и экстралинвистические характеристики речи.

Российская исследовательница А.О. Преображенская предлагает рассматривать в структуре нарратива следующие элементы (Преображенская, 2007; Преображенская, 2006):

1) внутренние предикаты – глаголы и отглагольные формы (например, «ощущать», «переживать», «представлять», «решать»), отражающие ситуации, непосредственно переживаемые персонажем нарратива. Наличие внутренних предикатов является знаком рефлексии персонажа.
2) Пассивные конструкции, предложения с отсутствием «я» в именительном падеже («меня вынудили», «мне приходится», «необходимо, чтобы…»). Наличие таких конструкций в нарративе может свидетельствовать о представлении человека о себе как объекте манипуляций других людей или о действии в его жизни неподвластных ему сил.
3) Императив, используемый по отношению к себе («должен», «следует»). Свидетельствует о наличии у автора нарратива установки. При высокой частоте использования императивов можно рассматривать их как выражение ригидности, «тирании должествования».
4) Метафоры как способ «раскрытия значений и порождения смыслов на основе эмоционального оценивания ситуации» (Преображенская, 2007 стр. 146).

[8] Цитата С. из второй части интервью, где были уточнения.

[9] Вопрос интервьюерки: «Можно ли сказать, что вот этот эпизод, когда Вы приехали только в Москву, стал таким, пусковым, да? для этого?»

5) Вводные конструкции (вводные слова, частицы, наречия), представляющие континуум по параметрам:
   - Неопределенность-определенность («некий», «как бы», «вроде», «наверное», «возможно», «скорее всего», «конечно», «именно», «безусловно»).
   - Время («еще», «пока», «уже»).
   - Пространство («там», «где-то», «вот», «здесь»). Частица «там» относится к далекому для рассказчика опыту, употребление частицы «вот» происходит при рассказе о близком опыте, о чем-то понятном, а также в ситуациях, когда рассказчик хочет утвердить новый опыт в реальности.

В работе «Реализация позиции субъекта в автобиографическом нарративе» (Преображенская, 2007) А.О. Преображенская показала, что увеличение в нарративе количества внутренних предикатов и метафор связано с появлением ответственности за свою жизнь, уменьшение количества предложений с отсутствием местоимения «я» в именительном падеже связано с появлением позиции субъекта.

Перечисленные лингвистические элементы нарратива есть первичные ориентиры, на которые можно опираться в анализе текста. Кроме уже упомянутых работ А.О. Преображенской отметим также публикации лингвистки А. Вежбицкой, содержащие подробнейший анализ семантики речи русского языка (Вежбицкая, 1996).

Пример

Речь С. тихая, спокойная, уверенная, часты легкие, даже юмористические интонации, что задает динамику повествования. С. смеется, когда говорит о «побеге» от бойфренда, о драках с мальчиками в детском саду и в школе. Интонация становится серьезной при рассказе об идентификации с женщинами, о восприятии плохого обращения с ними как плохого обращения с собой. С. использует просторечные выражения *«загоняли под коврик»*, *«пришла такая»*, *«расчухалась»*, *«дуры»,* что выражает ее субъективность (в ситуации интервью С. свободно употребляет неформальные выражения) и отчасти ироничное отношение к себе. По отношению к себе С. использует активные глаголы *«приехала»*, *«познакомилась»*, *«наткнулась»*, *«пошла читать»*, *«читала»*, *«нашла»*, *«расчухалась», «вышла»*, *«выехала»*, *«сбежала»*, *«называю»*, пассивные глаголы *«попала»*, *«загоняли»* при рассказе о периоде отношений с бойфрендом и выходе из них; активные глаголы *«хочется»*, *«подралась»*, *«выбила»*, *«сломала»*, *«проецировала»*, *«дралась»* и пассивные глаголы *«отдали», «приняли», «перевела»* при обращении к событиям детства. Заметим, что в обоих эпизодах частота активных глаголов превышает частоту пассивных.

6. Критический нарративный анализ

В этом измерении рассказанная история рассматривается с точки зрения функциональности и того, каково значение этой истории в жизни автора, как автор позиционирует себя по отношению к событиям рассказа. Фокус на выявлении доминирующих в обществе идей, противоречий в рассказе, процессе конструирования идентичности, с помощью которого автор пытается объяснить свою жизнь. Проводится анализ и фабулы, и сюжета, с акцентом на сюжет.

При анализе нарратива в данном измерении опираемся на следующую схему:

- Функция нарратива;
- Значение истории в жизни респондентки;
- Позиционирование респондентки по отношению к событиям рассказа;
- Дискурсы, разделяемые и неразделяемые респонденткой;
- Противоречия в рассказе;
- Процесс конструирования идентичности.

Кроме того, мы формулируем гипотезы относительно идентичности респондентки.

Пример

Нарратив С. повествует о насилии в жизни женщины: сначала мальчики бьют ее в детском саду, затем бойфренд избивает ее в парных отношениях. Рассказывая эту историю, С. вновь артикулирует тему насилия, что важно для нее как феминистки. По отношению к событиям нарратива С. позиционирует себя как находящуюся несколько в стороне, взирающую с более общих позиций совладавшего с трудностями человека на ситуации прошлого и на себя в нем. Юмористические интонации и смех С. могут свидетельствовать о желании более легко воспринимать трудные события, о радости от преодоления трудностей, о принятии себя в прошлом опыте, о подбадривании себя. Тем более примечательна серьезная интонация С. при рассказе об ощущении близости к женщинам и некоторой изолированности от них в действительности, что трактуется нами как точка напряжения и противоречия в нарративе.

Гипотеза 1. С. становится феминисткой *«после чтения сообществ»* – открытия нового взгляда на мир, который дал ей понимание происходящего. Феминистское осмысление позволило увидеть распространенность насилия в отношении женщин, неисключительность своей ситуации и продемонстрировало общность женского опыта, что отвечает сопутствующему С. всю жизнь ощущению связи со всеми женщинами.

Гипотеза 2. Ключевым моментом, инициирующим становление феминисткой, выступает домашнее насилие, в ситуации которого оказалась С.

Гипотеза 3. С. позиционирует себя сильной, способной защитить себя и агрессивно отстаивающей свои взгляды и возможности. Невозможность сохранения такой идентичности, претерпевая

насилие, является одной из причин переосмысления феномена насилия при обращении к феминистским текстам.

Гипотеза 4. Феминистская идентичность С. основана на стремлении к полноте жизни, чувстве общности с женщинами, необходимости артикуляции феномена насилия в отношении женщин.

К утверждаемым и артикулируемым С. дискурсам относятся:

- ***«Личное – это политическое».*** Говоря о своем опыте насилия, С. подчеркивает предзаданность насилия, его не зависящее от нее самой и формы отношений существование, распространенность насилия в отношении женщин в обществе: *«переехала к нему и* ***попала****, точнее, не попала в* ***статистику избиваемых жен****, ну, точнее,* ***подруг****»* [выделено нами].
- ***«Ограничение женщин в реализации своих возможностей».*** С. замечает в детском саду дифференцированность занятий детей по признаку пола, при которой у мальчиков оказываются *«веселые игры».* Как девочке ей приходится бороться за право на интересные занятия, на реализацию своих возможностей. Описывая свое положение в ситуации домашнего насилия С. использует метафору возможности ходить, к потере которой могло привести дальнейшее нахождение в этой ситуации. Выход С. из ситуации домашнего насилия стал возможен в том числе благодаря стремлению к полноте жизни.

В то же время С. отстраивается от дискурса

- ***«Правильная женщина».*** С детства С. отмечает глобальность дискриминации в отношении женщин, отдавая себе отчет, что плохое отношение к женщинам не зависит от их личных качеств ***(****«у меня не было, что, вот, они такие дуры, а со мной раз общаются, то я хорошая, а вот они такие дуры»)*, отвергая тем самым идею о дискриминации только плохих, недостойных, «ненастоящих» женщин.

Выводы

Феминистская идентичность респондентки С. основана на признании общности женского опыта насилия (идее угнетения женщин как группы в патриархате) и стремлении к полноте жизни. Становление феминистской идентичности С. происходит в процессе осмысления собственного опыта домашнего насилия посредством обращения к материалам в феминистских сообществах. С. репрезентирует себя как сильную, умеющую постоять за себя, утверждать свои взгляды, ощущающую общность с женщинами. Средства реализации идентичности С. в нарративе конгруэнтны проявлениям С. как феминистки в жизни: С. – феминистка, которая говорит, которая не хочет молчать – артикулирует тему насилия; которая помогает женщинам.

Нарратив респондентки С. выбран нами для иллюстрации схемы анализа интервью NOI как знаковый для всего исследования. Казалось, в фабуле «переживает ситуацию насилия – читает феминистские тексты – выходит из ситуации насилия» выявленная причинно-следственная связь «чтение феминистских текстов способствует выходу из ситуации насилия» недостаточна. Мы задумались о дополнительных факторах, имеющих значение для совладания с ситуацией партнерского насилия. Обратившись к нарративам других феминисток, в которых также упоминалось партнерское насилие, мы выделили совокупность личностных качеств, характеризуемую понятием субъектность. Субъектность мы понимаем как следование собственным ценностям и интересам, признание своей ценности как человека, отстаивание и утверждение собственных взглядов, обладание автономией и суверенностью, высокую способность к саморегуляции в широком смысле (Леонтьев, 2010; Петровский, 1996; Петровский, 2015). Именно субъектность является личностным ресурсом, помогающим женщине выйти из ситуации домашнего насилия.

Заключение

Мы представили пример использования схемы анализа нарративного интервью NOI (D. Hiles, I. Čermák) для нарратива российской феминистки. Результаты последовательного выполнения анализа по описанным выше измерениям NOI дают многоплановую картину идентичности. Так, мы получили представление:

- об основаниях идентичности С. (идея угнетения женщин как группы в патриархате, чувство общности с женщинами, стремление к полноте жизни);
- о процессе становления феминистской идентичности С. (осмысление опыта домашнего насилия при обращении за помощью к феминистским материалам и принятии помощи, восстановление субъектности);
- о средствах реализации феминистской идентичности С. (говорить, артикулировать тему насилия, помогать женщинам).

Наш опыт применения схемы анализа нарратива NOI говорит о ее высоком эвристическом потенциале[10]. Обращение к схеме NOI, включающей анализ нарратива по шести измерениям, позволяет удовлетворить критерию валидности анализа данных (аргументированность, логичность, связность анализа; обоснование взаимосвязей между конкретными данными и аналитическими

[10] Подробнее см. работу «Особенности идентичности женщин с феминистскими взглядами» (Хорунжая, 2016). Краткие результаты работы доступны по ссылке. См. также работу «Особенности идентичности женщин с феминистскими взглядами: нарративный анализ» (Хорунжая, Л. В.; Малышева, Н. Г.;, 2017).

умозаключениями; разделение фактических данных и их интерпретации; стилистическая, риторическая и дискурсивная грамотность анализа) «стандарта качества» качественного исследования (Хорошилов, 2012; Мельникова, О. Т.; Хорошилов, Д. А., 2015).

Благодарности

Выражаю благодарность научной руководительнице исследования «Особенности идентичности женщин с феминистскими взглядами» кандидату психологических наук, доценту кафедры Социальной психологии МГУ Наталье Георгиевне Малышевой за знакомство со схемой NOI, ценные обсуждения в процессе анализа и консультации при подготовке статьи.

Список литературы

Gergen Kenneth J. Narrative, moral identity, and historical consciousness: a Social Constructionist Account [Book Section] // Narration, Identity, and Historical Consciousness / book auth. (ed.) In Jürgen Straub. - [s.l.] : Berghan Books, 2005.

Hiles David Identity Positioning: Narrative Analysis of Sjuzet and Fabula [Book Section] // Narrative and Memory. - Huddersfield : University of Huddersfield, 2007.

Hiles, D.; Čermác, I.; Narrative Psychology [Book Section] // C. Willig and W. Stainton-Rogers (Eds.), The Sage Handbook of Qualitative Research in Psychology / ed. C. Willig W.Stainton-Rogers. - London : Sage Publications, 2008.

Hiles, David; Cermák, Ivo; Chrz, Vladimir Narrative Oriented Inquiry: A Dynamic Framework for Good Practice [Book Section] // Narrative, Memory and Identities. - Huddersfield : University of Huddersfield, 2009.

Lieblich, Amia; Tuval-Mashiach, Rivka; Zilber, Tamar Narrative research : reading, analysis and interpretation [Book]. - London : Sage Publications, 1998.

Бахтин М. М. Литературно-критические статьи [Книга]. - М. : Художественная литература, 1986. - стр. 543.

Бусыгина Н. П. Нарративный анализ [Раздел книги] // Качественные и количественные методы исследований в психологии. - Москва : Юрайт, 2015.

Вайнгартен Кэйтэ Осмысление историй о болезни: теория, практика, телесность и жизнь [В Интернете] // О нарративной практике, терапии и работе с сообществами — по-русски. - 2009 г.. - 14 2 2016 г.. - https://narrlibrus.wordpress.com/2009/02/28/making-sense-of-illness-narratives/.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой [Книга]. - М. : Русские словари, 1996. - стр. 416.

Журавлев В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях [Журнал] // Социология: 4 М. - 1993 г.. - 3-4. - стр. 34-43.

Зайцева Ю. Е. Стратегии и стили конструирования идентичности в автобиографических Я-нарративах [Журнал] = ttp://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1402-zaytceva52.html (дата обращения: 01.08.2018) // Психологические исследования. - 2017 г.. - 52 : Т. 10. - стр. 3.

Здравомыслова, Е.; Темкина, А. Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы [Раздел книги] // Российский гендерный порядок: социологический

подход, Коллективная монография.. - СПб : ЕУСПб (Труды факультета пол. наук и социологии вып.12), 2007.

Леонтьев Д. А. Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности [Журнал] // Эпистемология & философия науки// Epistemology & Philosophy of science. - 2010 г.. - 3 : Т. 25. - стр. 135–153.

Лукьянченко Н. В. Семейная идентичность женщин из неполных семей [Журнал] = http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1575-lukyanchenko59.html (дата обращения: 01.08.2018) // Психологические исследования. - 2018 г.. - 59 : Т. 11. - стр. 8.

Марцинковская, Т. Д.; Турушева, Ю. Б. Нарратив как методология исследования личности в ситуации транзитивности [Журнал] = http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1401-martsinkovskaya52.html (дата обращения: 01.08.2018). // Психологические исследования. - 2017 г.. - 52 : Т. 10. - стр. 2.

Мельникова, О. Т.; Хорошилов, Д. А. Стратегии валидизации качественных исследований в психологии [Журнал] // Психологические исследования. - 2015 г.. - 44 : Т. 8. - стр. 3.

Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности [Книга]. - Ростов н/Д : Феникс, 1996. - стр. 272.

Петровский В. А. Человек как субъект и субъектность как его человеческое свойство [Журнал] // Мир психологии. - 2015 г.. - 3 (83). - стр. 14-38.

Преображенская А. О. "Автор" и "герой" в автобиографическом нарративе [Журнал] // Московский психотерапевтический журнал. - 2006 г.. - 1. - стр. 118-130.

Преображенская А. О. Реализация позиции субъекта в автобиографическом нарративе [Журнал] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. - 2007 г.. - 1 : Т. 4. - стр. 142–150.

Стефаненко Т. Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности [Раздел книги] // Идентичность и толерантность / авт. книги Лебедева Н. М.. - Москва : ИЭА РАН, 2002.

Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии [Журнал] // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. - 2009 г.. - 2. - стр. 3-17.

Турушева Ю. Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности [Журнал] // Психологические исследования. - 2014 г.. - 33 : Т. 7. - стр. 6.

Тюпа В. И. Очерк современной нарратологии [Журнал] // Критика и семиотика. - 2002 г.. - 5. - стр. 5-31.

Улановский А. М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы [Журнал] // Психологический журнал. - 2009 г.. - 2 : Т. 30. - стр. 18-28.

Хисамбеев Ш. Р. Проблема субъектности в философии и психологии [Журнал] = URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1090-khisambeev39.html (дата обращения: 01.08.2018) // Психологические исследования. - 2015 г.. - 39 : Т. 8. - стр. 6.

Хорошилов Д. А. Критерии валидности качественного исследования в социальной психологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. [Книга]. - М. : МГУ, 2012. - стр. 263. - Специальность: 19.00.05 - «Социальная психология». Научный руководитель: доктор психологических наук, профессор Мельникова Ольга Тимофеевна.

Хорунжая Л. В. Особенности идентичности женщин с феминистскими взглядами: выпускная квалификационная работа [Книга]. - М. : [б.н.], 2016.

Хорунжая, Л. В.; Малышева, Н. Г.; Особенности идентичности женщин с феминистскими взглядами: нарративный анализ [Статья] // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (12-14 апреля, Санкт-Петербург) / ред. Коржова Е. Ю. и Микляева А. В.. - СПб : Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2017 г.. - Т. 2. - стр. 440-447.

Чебакова, Ю. В.; Чусов, А. В.; Дунаева, К. А. Структура и особенности гендерной идентичности больных нервной анорексией [Журнал] = URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/730-chebakova25.html (дата обращения: 01.08.2018) // Психологические исследования. - 2012 г.. - 25 : Т. 5. - стр. 6.

Чернец, Л. В.; Хализев, В. Е.; Бройтман, С. Н.; Введение в литературоведение// Литературное произведение: основные понятия и термины [Книга]. - М. : Высшая школа, 1999. - стр. 556.